

— Нет, спасибо, — вежливо отказался Август. Ему вовсе не улыбалось быть наряженным, словно рождественская ёлка, и висеть в окне, чтобы через сотни лет современники могли его разглядывать и судачить. В отличие от китайской историографии, делающей упор на объективность и справедливость, некоторые зарубежные историки куда субъективнее — одни язвительны, другие остроумны, и их высказывания порой заставляли и самого ядовитого Августа почувствовать себя профаном.

Вот, к примеру, одна занятная мысль, которую он слышал: как вы думаете, в чём был смысл Крестовых походов? Разве что в том, что они привезли в Европу доселе неизвестный фрукт — абрикос.

Кратко и по делу.

Когда титулярный епископ уже собрался вновь приняться уговаривать Августа, к нему подошёл священник и доложил, что вчерашний «толстосум» снова здесь и желает исповедаться.

Во многих фильмах показывают эту сцену: маленькая комната, разделённая ажурной перегородкой, где никто никого не видит. С одной стороны сидит священник, с другой — кающийся. Кающийся говорит: «Боже, я согрешил». Священник отвечает: «О, дитя моё, Бог простит тебя». Это и есть исповедаля — место, где верующие могут покаяться в своих прегрешениях. И как правило, что бы ни сказал кающийся, священник не имеет права это разглашать.

Выслушивать исповедь обычно доверяют обычному священнику. Но раз уж этого гостя удостоил личного внимания сам титулярный епископ, значит, либо вельможа тот весьма знатен, либо кошелёк у него туго набит. А скорее всего, и то и другое.

Пока епископ колебался, Август уже поспешил (или даже обрадовался) заявить:

— Идите, мы с Ером как раз хотели сами всё осмотреть.

Август всегда с трудом скрывал неприязнь к тем, кто ему не нравился. Он отдавал себе в этом отчёт, но меняться не собирался. Нравится — так нравится, не нравится — так не нравится.

Титулярный епископ, помахивая своим округлым брюшком, удалился в приподнятом настроении.

Август, проводив его взглядом, спросил Рафаэля:

— Когда собираешься с ним разобраться?

Рафаэль приподнял бровь и с деланной серьёзностью ответил:

— Я никогда не стану намеренно преследовать доброго человека.

Разумеется, он и не подумал бы упустить злодея. К какому же разряду отнести епископа — пусть каждый решает сам.

Август усмехнулся, бросил прощальный взгляд на витраж своего дядюшки, чью художественную ценность составляли разве что перья на шляпе, и вместе с Рафаэлем направился в центральный неф. Как главное место для месс и проповедей, неф, несомненно, построили первым и отделали с особой пышностью.

Исповедальня располагалась в самом его конце.

Август вдруг спросил Рафаэля:

— Ты бывал в исповедальне?

Рафаэль кивнул:

— Время от времени.

Если точнее — тогда, когда нужно было что-то распространить. Священник, обычно выслушивавший его исповеди, отличался излишней болтливостью. Пары бокалов «Слёз Эльзаса» хватало, чтобы он выболтал любую тайну. Когда Рафаэлю требовалось, чтобы какая-нибудь новость достигла ушей всей лондонской аристократии, он непременно шёл «исповедаться» — и эффект превосходил все ожидания. Видимо, если нечто исходит от епископа, доверие к этому автоматически возрастает на два-три десятка процентов.

— А там говорят правду? — поинтересовался Август.

— Если человек искренне верует, — ответил Рафаэль, не раскрывая всех карт. По крайней мере, сам он нередко приукрашивал. — Но это ещё зависит от тяжести греха.

— Да нет, ничего серьёзного, — отмахнулся Август. — Просто вдруг пришла в голову мысль — как бы узнать, что на самом деле думают обитатели замка о переездах.

— И?

— Ввести посменный график. Команда А остаётся в Бристоле на месяц, команда Б едет со мной в Виндзорский замок. Через месяц меняемся. Повторим так несколько раз, а потом соберём полезные сведения через священников в замковой часовне.

Часовня в замке Августа была построена не только для него, герцога, который в эти дела и не верил, но и для рыцарей и слуг, годами живших в стенах крепости. Они уже привыкли исповедоваться и молиться в часовне.

Смена обстановки неизбежно вызовет трудности, особенно духовного свойства — люди Средневековья во многом полагались на церковь.

Когда исповедь войдёт в привычку, можно будет выяснить истинные мысли многих.

— Священники твоей часовни согласятся на такое? — спросил Рафаэль.

Он не стал оценивать саму идею Августа, а лишь задал вопрос с точки зрения стороннего наблюдателя.

— Конечно, — с гордостью ответил Август.

Он хотел сказать: раз уж тот не смог отказать ему в сопровождении хором всех трёх трапез, значит, у него наверняка имеется на священника какой-нибудь компромат!

Кхм, шутка.

*Примечание автора: На всякий случай уточню: в тексте охота на ведьм ещё не началась. Еврейский врач, спасённый Августом из огня, был жертвой преследований евреев, а не

жертвой судов над ведьмами.*

Примечание автора 2: «Слёзы Эльзаса» — очень дорогое французское белое вино, к World of Warcraft отношения не имеет. Изначально оно появилось лишь в XVIII-XIX веках, в тексте же оно упомянуто раньше.

— Кстати говоря, священника из твоей часовни я, кажется, ни разу не видел, — заметил Рафаэль тоном небрежной беседы.

К тому времени они, беседуя, уже дошли до кафедры в центральном нефе. Мраморные барельефы встречались повсюду — от перил на ступенях кафедры до цветочных украшений. И это были не просто скульптуры, а целые повествовательные сцены. Персонажи выглядели живо, глаза словно светились — видно, мастера вложили в работу душу. В Средневековье больше всего было таких произведений, созданных на основе библейских сюжетов, на втором месте — фамильные портреты знати, передававшиеся из поколения в поколение.

Август, человек простодушный, не уловил намёка Рафаэля и просто ответил:

— Да, Джо как раз был занят, поэтому вы и разминулись. Но я обязательно вас познакомлю.

Джо — так звали священника замковой часовни Августа. Ему всего семнадцать, он моложе даже Рафаэля, но уже занимает высокий церковный пост. Для Средневековья подобное сочетание возраста и статуса не было редкостью — если учесть, что средняя продолжительность жизни тогда едва достигала сорока лет, а порочность Римской курии ничуть не уступала развращённости европейских королевских дворов.

«Средневековые папы словно воскресли в обличье давно почивших, погрязших в пороках римских императоров», — как-то сказал английский философ Томас Гоббс.

Разврат и грехи, оставленные римскими императорами в Вечном городе, папы не просто продолжили, но и превзошли.

Абсолютная власть порождает абсолютное зло — это не пустые слова. Когда «святые отцы» пускаются во все тяжкие, они становятся куда мерзостнее и нелепее самых отъявленных негодяев.

Говорят, предыдущий папа, дабы угодить любовнице, даровал её восьмилетнему братцу сан архиепископа.

Даже Август, получивший герцогский титул благодаря голубой крови, был поражён, услышав эту сплетню. Спросите-ка любого романиста — кто осмелится написать, будто главный герой в восемь лет стал архиепископом? Мигом налетит шквал негодования. Но предыдущий папа оказался столь изобретателен, что воплотил в жизнь то, что даже в беллетристике сочли бы неправдоподобным.

Более того, он положил начало традиции среди пап — признал жён и детей, которых как папа иметь не должен был, назвав их «племянниками» и «племянницами», и открыто поселил их в Римской курии.

В Риме даже сохранилась песенка, высмеивающая этого папу и его отпрысков: «Он породил восьмерых никчёмных сыновей да столько же дочерей, его и впрямь можно назвать отцом Рима».

<http://bllate.org/book/15929/1424051>